

© 2005 г.

Ж.Т. ТОЩЕНКО**НОВОЕ СЛОВО В ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИИ**

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – член–корреспондент РАН.

В жизни отечественной социологии произошло знаменательное событие – вышли в свет первые две книги, посвященные истории эмпирической социологии [1, 2]. Эти две работы, авторами которых являются Л.А. Беляева и Н.И. Лапин, изданы в издательстве Государственного университета – Высшей школы экономики. Реализованные в рамках проекта «Школы и направления эмпирических исследований в социологии» (руководитель профессор Л.Г.Ионин) и поддержанные Национальным фондом подготовки кадров в рамках Программы содействия академическим инициативам в области социально–экономических наук они представляют собой новаторское явление, которое следует отметить особо.

Дело в том, что в истории социологии до сегодняшнего дня преобладают описание и анализ теоретических концепций как отечественных, так и зарубежных авторов. Во многих случаях это имеет ярко выраженный социально–философский аспект, когда волей–неволей теряется грань между собственно социологическим и философским знанием. В такой ситуации эмпирическая социология не то чтобы не упоминается: она рассматривается как некий, не особенно значимый элемент в истории социологии, или как один из вспомогательный методов апробации теоретических выводов, или как инструмент для принятия практических управленческих решений. Те немногие публикации, которые были посвящены эмпирической социологии (зарубежной в работах Г.М. Андреевой, М.С. Ковалевой, отчасти В.П. Култыгина; российской (советской) в исследованиях И.А. Голосенко, Е.И. Кукушкиной и др.) рассматривают отдельные проблемы, работы отдельных авторов; в них не всегда ставилась задача отделить ее от теоретической социологии. Недостаточно уделено было внимание этой проблематике и в хрестоматиях по истории русской, западноевропейской и американской социологии, подготовленных под редакцией профессора В.И. Добренькова. В них решалась другая задача – дать основные тексты по истории социологии, не разделяя ее на специфические части. Поэтому историко–социологическим исследованиям (и соответственно учебным пособиям) присущ серьезный недостаток: они не дают полного представления (а иногда и совсем не дают) о том, как становилась, развивалась и обогащалась эмпирическая социология. Даже те из них, где упоминались и анализировались отдельные проблемы эмпирической социологии, были фрагментарны, отрывочны, отчасти произвольны. И главное – не создавали полной картины ее возникновения, становления и развития.

Можно считать, что с появлением книг Л.А. Беляевой и Н.И. Лапина (ожидаются еще две), будет восполнена одна очень важная страница в истории социологии, которая

несомненно обогатит представления о нашей науке, а это, в свою очередь, будет способствовать более качественному обучению и более высокой квалификации студентов, которые готовятся стать профессионалами в этой области знания. Хотя, на мой взгляд, знакомство с данными произведениями (это я настоятельно рекомендовал бы) не помешает и зрелым исследователям. Что несомненно обогатит их знания и позволит еще нагляднее и ярче представить поиски и находки на пути становления и развития социологии.

Конечно, можно и сейчас сказать, что в этой пионерской попытке есть некоторые изъяны (насколько полно охвачены в обзоре те труды, которые на самом деле относятся к эмпирической социологии, насколько точно передан контекст этих поисков, все ли аспекты эмпирической социологии нашли отражение и т.д.), но бесспорно одно – положено начало изучению истории возникновения и институализации одной из сфер социологических исследований. Безусловно, будущим авторам предстоит большая работа, но начало положено, и отрадно сознавать, что происходит процесс обогащения и основательности нашего знания.

Пересказывать структуру и ее воплощение в соответствующих главах не имеет смысла. Каждый заинтересованный при прочтении данных книг сделает это сам. А для тех, кто решится самостоятельно разрабатывать учебный курс по такой проблеме, – просто необходимо внимательно изучить написанное.

Что привлекает в работах? Прежде всего, как для книги Л.А. Беляевой, так и для исследования Н.И. Лапина, присуще изучение предистории (предтечи) эмпирической социологии. С одной стороны, она не такая древняя, как предистория теоретической социологии, адепты которой иногда забираются так далеко, что ее идеи ищут не только в древней Греции или древнем Риме, но даже в древних Китае, Индии, Египте и Ассирии, неправомерно, на мой взгляд, путая историю социальной мысли с историей социологии.

С историей эмпирической социологии дело обстоит иначе. И хотя человечеству в лице различных государственных и фискальных служб всегда было присуще стремление учесть, подсчитать, определить свои финансовые ресурсы и другие возможности, оно практически всегда обходилось без того, что потом было названо человеческим фактором, воплощавшем в себе сознание и поведение людей. Иначе говоря, то, что говорилось (или могло быть отнесено) к жизни людей, было предпринято гораздо позже, когда государство и общество обозначили свою роль и свои претензии на более глубокое проникновение в сущность социально–экономических, политических и духовных процессов, происходящих в обществе.

В данных исследованиях привлекает сама постановка вопроса о том, как рождалась эмпирическая социология. Так, например, Н.И. Лапин, сосредоточив внимание только на трех странах – Франции, Англии и Германии, убедительно показал, как различные потоки эмпирической информации сливались в то, что потом увенчалось созданием эмпирической социологии. В Англии это была «политическая арифметика», в Германии – государственное управление, во Франции – социальная статистика и социография. Здесь уместно заметить, используя выводы Л.А. Беляевой, что в этом направлении двигалась и научная мысль России в XVIII –XIX вв., опираясь на статистическую информацию о состоянии различных, в основном, социально–экономических процессов. Эти потоки, разрабатывая различные аспекты социальной жизни страны, отвечая как на потребности государства, так и удовлетворяя интерес ученых в познании общества, подготовили почву для создания научных основ эмпирической социологии. Кстати, уместно заметить, что к становлению этой сферы социологического знания приложили усилия представители и других научных дисциплин, которые не считали себя социологами (правоведы, статистики, историки, психологи), но объективно способствовали становлению новой отрасли научного знания. И даже те, кто приходил в социологию из других профессий. (Например, Фридерик Ле Пле был горным инженером, Альфред Кетле – математиком, М.И. Туган–Барановский – экономистом, Д.П. Журавский – военным служащим, А.А. Богданов – врачом, словом,

представители многих других профессий, в сферу интересов которых попали социальные проблемы).

Становление новой отрасли знания связано (на мой взгляд, справедливо) с принципиально новой ситуацией, когда стало недостаточно изучать просто человека – он предстал в историческом развитии как гражданин, как полноправный субъект происходящих общественных изменений. Поэтому собственно возникновение эмпирической социологии (как и всей социологии), нужно относить именно к тому периоду в истории человечества, когда каждый человек становился (или мог становится) участником экономических, политических и других преобразований. В этом – великая заслуга буржуазных революций XVII-XVIII вв., когда каждый человек вне зависимости от социального положения, вероисповедания, материального положения мог претендовать на полноценное участие в общественной жизни. И хотя до полной реализации этой цели было еще далеко, история неумолимо действовала в этом направлении. А когда **все люди** (а не как ранее – дворянство, властвующие слои) представляли как воплощение нарождающегося гражданского общества, тогда и потребовалась более точная, более полная и всесторонняя информация не просто о правящем классе, а обо всех живущих в обществе и государстве, об их заботах, потребностях и устремлениях. Именно эта объективная потребность и вызвала к жизни социальную конкретную информацию и соответственно породила сначала зачатки, а затем и саму эмпирическую социологию.

Привлекает вывод Н.И. Лапина о том, что, если говорить о научных основах эмпирической социологии, о соединении теории с эмпирикой, то в классическом виде теоретико-методологические основы эмпирической социологии были заложены Э. Дюркгеймом, М. Вебером и Ф. Теннисом, каждый из которых по-своему определял предмет социологии и апробировал свои представления на эмпирической базе (Дюркгейм наиболее наглядно в труде «Самоубийство. Социологический этюд», Вебер – в работе «Положение сельскохозяйственных рабочих в Германии к востоку от Эльбы», Теннис – в исследованиях жизни населения Гамбурга, условий труда на морских пароходах, динамики преступности в провинции Шлезвиг-Гольштейн). Это особенно важно подчеркнуть, потому что эти выдающиеся ученые больше известны по своим теоретическим работам, хотя их демонстрация соединения научных основ с эмпирическими данными представляет не менее ценный и не менее крупный вклад в развитие социологии, имеющий к тому же принципиальное значение. Данный аспект важно подчеркнуть и потому, что до этого представители классической социологии, ее зачинатели еще во многом были философами, которые претендовали на рассмотрение общества в его целостности, хотя компоненты такой целостности представителями различных школ трактовались по-разному. Если теоретическая социология во многом имеет дело с идеальными типами, абстрактными объектами, то эмпирическая социология «имеет дело с объектами, существующими реально, вне теоретических или иных научных текстов. Основными источниками информации ей служат эмпирические данные, полученные непосредственно от этих объектов с помощью социологических и иных научных методов» [2, с.20].

Для уяснения путей становления эмпирической социологии необходимо, на мой взгляд, обратить внимание на то, что ее возникновение, ее методологические и методические основы закладывались в рамках двух господствующих в начале XX в. парадигм – реализма и номинализма. Как представитель социологического реализма Э. Дюркгейм считал, что есть социальные состояния «вне индивидов», что общество состоит не только из индивидов: в него входят материальные элементы, правовые положения, искусство и другие «действующие реальности» [2, с.47]. Этой концепции противостояли «социологические номиналисты» в лице Г. Тарда и других его последователей (в основном, представителей социально-психологической школы), которые не менее решительно настаивали на том, что вне индивидов нет общества, что говорить об обществе, игнорируя человека, личность, не только невозможно, но и абсурдно. Преодолеть это противостояние пытались Ф. Теннис, Г. Зиммель. Но особенно плодотворной была попытка, предпринятая П. Сорокиным, который обосновал третью

интегрирующую позицию. В своей работе, вышедшей на русском языке еще в 1922 г., П. Сорокин пишет: «Общий вывод из всего сказанного о социологическом реализме и номинализме таков: ни то, ни другое из этих течений неприемлемо. Каждое из них, в пылу спора, выставляет такие положения, которые логически абсурдны, либо эмпирически неверны». Стремясь преодолеть это противоречие, П.Сорокин утверждает, что нужно рассматривать взаимодействие индивидов, что рождает принципиально новую ситуацию, которая не противопоставляет личность обществу, и наоборот. Эту позицию в настоящее время разделяют многие зарубежные и отечественные социологи. Но что такое взаимодействие? К сожалению, в литературе не всегда дается четкий ответ на поставленный вопрос. Попытки уточнить эмпирическую сущность взаимодействия игнорируются или обходятся. В такой ситуации, как я писал уже неоднократно, социологи умышленно или неумышленно лицедействуют. Ведь, если взять практику (всю без исключения, во всех странах и во все времена), то к чему обращается исследователь конкретных проблем? В подавляющих случаях, социолог выясняет то, что человек знает, как относится к этому знанию, какими мотивами и установками он руководствуется, какие у него есть потребности и интересы, как в соответствии с ними он поступает (или намерен поступать), как влияет на него окружающая макро-, мезо- и микросреда. А что это значит с точки зрения науки? А это значит, что социологи изучают общественное, групповое и индивидуальное сознание во всех его ипостасях, а также поведение людей с целью выявить те или иные тенденции в организации социальной жизни общества. В этом случае статистика дает нам некоторые зафиксированные результаты деятельности людей, а также характеристики окружающей среды, что позволяет судить как о проблемах всего общества, так и его отдельных сфер, отдельных социальных групп и общностей. Мне кажется, что этот момент необходимо логически завершить тем, что эмпирически интерпретируемо, проверяемо и значимо. Может быть в этом сказывается моя личная позиция, но я убежден, что в долгом споре «реалистов» и «номиналистов», а также попыток примирить эти точки зрения при помощи третьей позиции, использующей понятие «взаимодействие», необходимо дойти до логического конца, т.е. до того, чтобы признать, что взаимодействие – это синтез актов сознания и действий, поступков людей, соотношенных с существующей социально-экономической, социально-политической и культурной реальностью.

Становление эмпирической социологии серьезно отличается от такого же процесса в области теоретической социологии. Шаги, предшествующие ее полноценному становлению, были сделаны, исходя из потребностей практики, и осуществлялись в основном статистиками или тесно связанными с ними деятелями ведомств внутренних дел, фискальными службами, также представителями первых нарождающихся ячеек гражданского общества, вроде Вольного экономического общества, возникшего в России еще в XVIII веке. Конечно, в этих анализах сравнительно редко употреблялся подход, который, хотя бы косвенно относился к социальной структуре, к поведению людей или образованных ими обществ и организаций. Но человеческий аспект собираемых сведений все больше и больше возрастал по мере становления гражданского общества, прогресса в развитии новых капиталистических отношений. Человек все больше и больше становился реальной социальной силой, и эта потребность вызвала к жизни соответствующую информацию.

Авторы обзораемых мною книг очень четко разводят понятия – сбор эмпирических данных и саму эмпирическую социологию, которая в своем классическом виде начинается с того момента, когда начинают проводиться специальные эмпирические исследования, строящиеся по определенным методологическим и методическим принципам. К этому стоит добавить, что попытки реализовать некоторые эмпирические исследования осуществлялись и классиками социологии. Так, многие знают Г. Спенсера как родоначальника одной из школ (социобиологической) в социологии. Но не многие знают о том, что он делал попытки изучить теорию с помощью конкретных сведений. Его знаменитая работа «Основания социологии» базируется на

основе сбора обширного числа фактов человеческой истории, различных обществ и культур. В работе Н.И. Лапина приводится схема, при помощи которой Г. Спенсер обрабатывал эти сведения, создав свое представление и понимание современного ему человеческого общества [2, с. 88].

Хотелось бы отметить одну очень яркую и характерную деталь, которая особенно четко выражена в исследовании Л.А. Беляевой. Дело в том, что при анализе проблем истории социологии (в том числе и теоретической), вольно или невольно высказывается мысль: русская социология появилась после возникновения соответствующих теорий на Западе. И они (русские социологи) были или последователями этих теорий, или, если инициаторами новых трактовок жизни общества, то все равно опирались на ранее опубликованные за рубежом произведения. В эмпирической социологии, по мнению Л.А. Беляевой, дело обстоит иначе: сбором и анализом эмпирических данных в России занимались практически одновременно с такими же обследованиями, которые осуществлялись в ряде стран Западной Европы. И по богатству, и по полноте, и по социальной направленности многие обследования в царской России не только не уступали, а нередко и превосходили аналоги своих коллег в других странах. В этой связи на особую значимость претендует земская статистика, которая и поныне поражает своей глубиной, обоснованностью, проникновением в сущность социальных процессов. Хотя в нашей науке уже делались попытки осмыслить богатство земской статистики, в том числе и на страницах СОЦИСа, однако эта информация ждет своих исследователей. Можно согласиться с мнением Л.А. Беляевой, когда она пишет о том, с каким волнением и трепетом она знакомилась с многими произведениями, содержащими конкретные данные, к которым лишь частично, а ко многим еще и не прикасалась рука исследователя. Нам еще предстоит познать это богатство, осмыслить его, обобщить имеющийся опыт и, думаю, вооружить действующих современных социологов той информацией, которая пережила время и достойна того, чтобы использовать ее в нынешних исследованиях. И не только с точки зрения содержания, но и с точки зрения тех методов и приемов, которые использовались нашими предшественниками.

В книгах, о которых я размышляю, показана логика обогащения социологического знания. Так, с именем С. Раунтри связано введение термина «человеческий фактор в промышленности», с именем А. Баули – применение случайной выборки в социальных обследованиях, с именем Д. Гласса – понимание социальной мобильности, В. Лексиса – представление о математическом моделировании массового сознания. Допускаю, что не все открытия (частные, но значимые) описаны авторами, но хочу отметить другое: история эмпирической социологии – это путь непрерывных открытий и обогащения методов социологических исследований, что убедительно показано и на примере эмпирической социологии в России – как постепенно различные «мазки» социологической мысли создавали богатое «полотно» новой науки, приобретающей на каждом последующем этапе новое дыхание.

Особо хотелось бы отметить, что в этом анализе выделено место тем эмпирическим замыслам, которые связаны и с марксизмом. Происходят отрадные изменения – после десятилетия огульных обвинений марксизма во всех смертных грехах наступает пора взвешенного отношения к его наследию. В этой связи, например, Н.И. Лапин высоко оценивает роль работы Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» и «Анкеты рабочего» К. Маркса. И хотя данные произведения не оказали влияния на практику исследований (по разным объективным и субъективным причинам), они составляют важное звено в процессе становления методологии и методики социологических исследований. Это важно и потому, что авторам рецензируемых мною книг удалось избежать политизированных и идеологизированных утверждений о становлении и развитии эмпирической социологии. В то же время, высоко оценивая работу Л.А. Беляевой, мне показалось, что оценка деятельности советской эмпирической социологии очень жестка. Признавая, что во многих областях в 1930–1950-годы ее развитие сдерживалось, подвергалось неоправданной критике, даже обвинениям и гонениям, все же, на мой взгляд, можно утверждать, что ряд специальных социологических теорий, таких как, например, социология труда (о ней Л.А. Беляева не пишет,

может быть в силу того, что это не ее область научных интересов) имела значительные достижения, была реальным и действенным участником в решении огромного круга производственных задач и достаточно эффективно использовалась в практике управления промышленными предприятиями. Одним из показателей этой плодотворности может служить тот факт, что многие представители «заводской социологии», трудившиеся на предприятиях в 1960–1970-е годы (А.К.Зайцев, В.В. Щербина, В.И. Герчиков, А.Н. Нецадин, А.Н. Гуревич и др.), стали крупными учеными, работы которых и поныне актуальны и значимы.

Большой находкой авторов является то, что их анализ истории эмпирической социологии дополнен хрестоматиями – текстами основных представителей эмпирической социологии как в России, так и за рубежом. Причем, многие тексты приводятся впервые, практически не были доступны широкой читательской аудитории. Эти разделы составляют половину объема книг. У Н.И. Лапина – это поиск Контом нового слова «социология» через трудный, сложный и неоднозначный путь поиска истины, приведшей к созданию новой науки. Очень значимо произведение А. Кетле о его опыте применения математики в исследовании социальных процессов, и подборка трудов М. Хальбвакса, А. Турена, П. Навиля о социальной структуре и социологии труда. Такие же открытия читателя ждут и при характеристике эмпирической социологии в Англии (произведения С. Раунтри, А. Баули, Д. Гласса, Э. Триста и др.), а также социологов Германии – Т. Гейгера, А. Вагнера, Г. Шельски, даже М. Вебера, произведения которого у нас достаточно широко известны, но не те, которые приводятся в книге, одно из которых раскрывает методiku социально–психологических обследований и их обработку. Уникальные тексты приведены и в работе Л.А. Беляевой: в научный оборот введены произведения, опубликованные в XIX – начале XX вв., большинство из них никогда и нигде не переиздавались, например, работы Д.П. Журавского, которого автор называет основоположником современной статистики («План статистического описания губерний Киевского учебного округа», 1851), С.Н. Велецкого («Земская статистика», 1899–1900), С.Н. Южакова («Аграрный вопрос в России», 1917), материалы обследований Е.Н. Анучина (1873) и И.А. Гурвича (1888) о переселении крестьян и о сосланных в Сибирь. Читатель найдет публикации С.Н. Прокоповича о бюджетах питерских рабочих (1909), Н.В. Калачева «Артели древней и нынешней России» (1864), малоизвестную работу П.А. Сорокина «Влияние профессии на поведение людей и рефлексология профессиональных групп» (1921) и другие. Большая работа, проведенная Л.А. Беляевой по подборке материалов по эмпирической социологии, несколько снижается фрагментарностью рекомендуемых публикаций и интерпретацией истории эмпирической социологии в странах Восточной Европы – Болгарии, Венгрии, Польши, Чехии и Словакии.

Данные исследования, которые нашли место в новых книгах, отражают специфическую форму научного познания. С одной стороны, они посвящены изучению конкретных вопросов, конкретных проблем, конкретных ситуаций, с другой – они претендуют (и вполне закономерно) на широкие теоретические обобщения, которые можно было получить, только обладая соответствующей информацией. Эта проблема соединения эмпирики и теории актуальна и поныне. И поэтому опыт их органического соединения, который содержится в лучших работах, трудно переоценить. Еще предстоит ответить на вопрос, что способствовало рождению таких выдающихся мыслителей, как Дюркгейм, Зиммель, Вебер, Сорокин, Ковалевский, Струмилин и др.? Их философское осмысление действительности или те эмпирические исследования, которые, будучи начаты с определенных методологических позиций, позволили подняться до глубокого научного обобщения? По крайней мере, многие современные социологи выдвинули свои идеи и концепции на базе проведенных ими эмпирических исследований.

Разумеется, новые книги Л.А. Беляевой и Н.И. Лапина, на мой взгляд, выходят далеко за рамки учебного пособия: это настоящие монографические исследования, обогащающие отечественную науку и способные породить новую волну в осмыслении данного важного направления социологической мысли как в России, так и за рубежом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляева Л.А.* Эмпирическая социология в России и Восточной Европе. М., 2004. 408 с.
2. *Лапин Н.И.* Эмпирическая социология в Западной Европе. М., 2004. 383 с.